

ДОМ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГОРОДА

И. М. Наливайко

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
niminna3@gmail.com

Аннотация. Целью данного доклада является обоснование эвристического и прагматического потенциала исследования феномена дома как архетипического образа города. Исследование проводится на основе определения онтологического статуса дома посредством теоретической экспликации его пространственно-темпоральных характеристик. Методологической базой доклада выступают наиболее релевантные для осуществления заданной цели концепции А. Лефевра, В.В. Розанова, Г. Башляра и М. де Серто, позволившие раскрыть генетическую и смысловую связь концептов «город», «место», «дом» и определить роль данных феноменов в конструировании так называемого социального пространства. В докладе обосновывается вывод о том, что витальность современных городов зависит от возможности удержания или воссоздания архетипического образа дома.

Ключевые слова: *город; дом; архетипический образ; место; городское пространство; социальное пространство; повседневность.*

HOME AS AN ARCHETYPICAL IMAGE OF THE CITY

I. M. Nalivaika

Belarusian State University
4, Nezavisimosti Av., 220030, Minsk, the Republic of Belarus
niminna3@gmail.com

Abstract. The purpose of this paper is to substantiate the heuristic and pragmatic potential of studying the phenomenon of home as an archetypical image of the city. The research is carried out on the basis of determining the ontological status of home through the theoretical explication of its spatiotemporal characteristics. The methodological foundations of the report are the most relevant for this goal concepts by A. Lefebvre, V.V. Rozanov, G. Bachelard and M. de Certeau, that made it possible to reveal the genetic and semantic connection of the concepts “city”, “place”, “home” and determine the role of these phenomena in the construction of the so-called social space. The paper substantiates the conclusion that the vitality of modern cities depends on the ability to retain or recreate the archetypal image of home.

Keywords: *city; home; archetypical image; place; city space; social space; the everyday.*

«...Всякое истинно обитаемое пространство содержит в себе концентрированное понятие дома...»
(Г. Башляр «Поэтика пространства»)

Концепт «архетипический образ», который в своем лексическом выражении восходит к юнгианской теории архетипа (хотя сам Юнг указывал на то, что слово встречается еще в средневековых мистических трактатах), вошел в гуманитаристику как одна из категорий современного литературоведения, отсылающая к возможности аккумуляции и проявления в литературном произведении многовекового культурного опыта посредством единичного символа. Символическая связь дома и городского пространства фиксируется как в городской мифологии, так и в литературных текстах и литературоведческих штудиях. Для подтверждения этого факта достаточно напомнить широко известные в русскоязычном контексте цветаевские строки «какой огромный странноприимный дом» или попытки представителей русской формальной школы в литературоведении сравнивать роль и судьбу двух исторических столиц через противопоставление площади и дома как формообразующего принципа городского пространства.

Поскольку современные урбанистические теории, активно работающие с темой городского пространства в различных ее аспектах, носят ярко выраженный междисциплинарный характер, перенесение термина, получившего первоначальное распространение в литературоведении на философские и культурологические исследования города представляется оправданным и продуктивным.

На сегодняшний день существуют различные методологические и дисциплинарные подходы к изучению городского пространства, но значительная часть современных урбанистических теорий опирается на проведенное в свое время Анри Лефевром разделение так называемого естественного и социального пространства. В отличие от естественного, которое неминуемо задано природным ландшафтом, всякое социальное пространство, в том числе городское, является результатом целенаправленной деятельности различных субъектов, обусловленной характером общественных отношений. Это разделение стало отправной точкой для создания им теории «производства пространства» и реализации ее значимого объяснительного и эвристического потенциала [Подробнее см. 1 и 2].

Для экспликации архетипической связи города и дома следует обратиться к короткому этимологическому экскурсу. Во многих языках, в том числе славянских, слово «город» отсылает либо к ограждению, городскому валу, который очерчивает безопасное пространство, либо

собственно к феномену места. То есть сама семантика слова указывает на жилое место, обжитое пространство. Но, в отличие от других поселений, формообразующей единицей города являются не сельскохозяйственные угодья, а прежде всего, жилые, производственные и административные строения, причем в современном городе доминируют первые и последние. В силу этого сам феномен города как места неразрывно связан с жильем, домом. Вероятно, можно даже утверждать, что генезис и динамика дома и города могут быть изоморфны как филогенез и онтогенез. Однако не всякое жилое место можно трактовать как дом, в силу чего прояснение экзистенциально-онтологического статуса места и дома должно стать первой теоретической задачей данного исследования.

Как известно, проблематизация места начинается уже в древнегреческой философии. Аристотель, опираясь на телесные интуиции греков и доминантную для его собственной теории тему движения дает определение места как внешней границы объемлющего тела. Здесь тело подобно сосуду, который вмещает и создает возможность перемещения, то есть движения. Место ограничивает, то есть придает стабильность и форму, фиксирует некий опыт космического и социального порядка, но оно же служит и потенциальным источником движения. Не имея в рамках кратких тезисов возможности раскрыть глубинную связь такого понимания места со спецификой полисной культуры, ограничусь лишь упоминанием о том, что подобный опыт порядка является производной от публичного характера социальных отношений. В рамках такой социальной модели дом как сфера приватного лишен статуса смыслового центра человеческого существования, что подчеркивается маргинальным местом данной тематики в классической философской мысли.

Однако, по очень глубокому замечанию Мишеля де Серто, место – это палимпсест, где научный анализ видит только самый недавний текст [3]. Остальные слои скрыты и требуют для своего проявления не отвлеченного теоретизирования, а растворенных в реальной повседневной жизни практик вживания и обживания места. Именно таким местом является дом. Впервые такая экзистенциально-онтологическая проблематизация места как дома осуществляется в философии повседневности Василия Розанова. Проводя реабилитацию повседневности как мира частной жизни, разворачивающейся в пространстве дома, Розанов проводит разграничение так называемого «внешнего места» как навязанной индивиду формы социальной репрезентации и дома как обжитого пространства, в котором царит «энергия собирания», творящая мир человека через его телесно-душевно-сознательное единение с другими людьми, окружающими вещами и сферой сакрального [Подробнее см. 4]. Дом, по Розанову, – это тоже, прежде всего, опыт

человеческого упорядочивания мира, но опыт особого рода, который очень хорошо описывается концептом «хаокосмос». Энергия собирания, хаокосмос – концепты, подчеркивающие, что дом – это место, которое характеризует не только стабильность, статика, но и динамика. Розанов был, пожалуй, первым европейским мыслителем, которому удалось дать в рамках осмысления онтологического статуса дома «феноменологическое понятие о мире».

Равнозначную по настроению и глубине трактовку онтологической значимости дома дает автор вышеупомянутого концепта Гастон Башляр, который не только утверждает «изначальную полноту домашнего бытия», но и утверждает, что дом представляет собой космос в самом полном смысле этого слова [5]. Но наиболее принципиальным для данного исследования является его фраза, вынесенная мною в эпиграф.

Город, который как было показано выше, даже этимологией самого слова указывает на обжитое пространство, исторически неразрывно связан с феноменом дома. Как бы ни была стратегически выверена картография города, его подлинная жизнь неразрывно связана с домом. Но дом – это не просто строение, ограничивающее и закрывающее от внешних сил. В некоторых языках даже нет этого синонимичного совпадения двух понятий – дом как здание и дом как приватное жилье. Дом как мир человека, как особый опыт порядка, космос, содержит в себе не только пространственные характеристики. Это еще и место пульсации памяти, рождения историй и легенд, осуществления темпоральности и историчности экзистенции. И, прежде всего, в этом качестве дом выступает архетипическим образом города.

Но это касается некой идеальной модели города, его «эйдоса» в платоновском смысле, который зачастую разрушается логикой выстраивания современного отчужденного урбанистического (не путать с городским!) пространства. Унифицированный подход к формированию и администрированию городского пространства стирает уникальность человеческого мира через стандартизацию его места обитания – от предельной обезличенности архитектуры, до уничтожения уникальных исторических городских ансамблей, за каждым из которых стоят свои воспоминания и своя история, из коих, собственно, и складывается город как живой организм, а не технический конструкт. Здесь уместно будет привести обширную цитату из книги де Серто «Изобретение повседневности». Говоря об этом символическом пласте города, который разрушается посредством вытеснения памяти, городских историй и легенд, он отмечает:

«Они – жертвы охоты на ведьм, в силу самой логики технотехники. Но их уничтожение (как и уничтожение деревьев, лесов и уголков, где живут эти легенды) превращает город в «невысвоенные символы». Обитаемый

город оказывается отмененным. И тогда, как говорит одна жительница Руана, «больше уже нет никаких особенных мест, кроме моего дома, и это все... Больше ничего нет». Больше нет ничего «особенного»: ничего отмеченного, того, что открывается воспоминанием или сказкой, что отмечено знаком кого-то другого. Остается достоверным только убежище дома, еще способного некоторое время впитывать легенды, еще наполненного тенями. За этим исключением, по словам другого горожанина, есть только «места, где уже ни во что нельзя верить» [3, с.205-206].

Таким образом, можно констатировать, что витальность современных городов зависит от возможности удержания или воссоздания в них описанного выше архетипического образа дома, т.е. от осознания необходимости комбинирования стратегического планирования городского пространства с пространственно-темпоральными повседневными практиками горожан, которые с необходимостью содержат в себе характеристики дома как человеческого «космоса».

Библиографические ссылки

1. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
2. Наливайко И.М. Пространственная размерность повседневности //Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2018. № 2. С. 38–42.
3. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
4. Nalivaika, I., *Alternative Subjectivity // Phenomenology of the Everyday*. Oslo: Novus Press, 2014. P. 61–100.
5. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ad Marginem Press, 2020.